

*Я счастлив за тех, которым с тобой
может быть по пути.*

И. Бродский, 1957 г.

Загадка местонахождения Янтарной комнаты многие десятилетия будоражит сознание людей не равнодушных к истории нашего государства, искусству. Однако речь сегодня пойдёт не о её поисках, а о воссоздании шедевра из пепла и разрухи.

После войны Екатерининский дворец лежал в руинах, над золотой анфиладой не было кровли, изразцовые печи в плачевном состоянии... Тем не менее, дворец был отдан под военное училище. Вчерне соорудили коробку: не капает – и ладно. Позднее здесь же разместилась музыкальная школа. А когда дворцом начали заниматься реставраторы, тут и проявили себя чрезвычайно серьёзные проблемы. Документов не было, в лучшем случае – чёрно-белые фотографии, да альбом с зарисовками довоенных интерьеров, приобретённый у вдовы известного художника-искусствоведа. В то же время моё посещение гостеприимного дома и доверительная беседа с Трифоновой Софией Викторовной, которая одной из



первых начинала работать над воссозданием Янтарной комнаты более 30-и лет назад, побудили рассказать о перипетиях, связанных с этим музейным шедевром, незабываемых болях и радостях, пережитых в те давние годы.

Обыкновенная (да не совсем!) петербургская квартира, поражающая красотой старинной мебели, авторскими живописными работами и большим количеством книг, среди которых знакомые и незнакомые фолианты по изобразительному и прикладному искусству.

София Викторовна – сосредоточенный и обстоятельный человек, что проявилось в манере поведения, умении

С.В. Трифонова. Фото 2012 г.

говорить и слушать собеседника. Без дежурных любезностей разговор потёк в интересовавшем меня русле.

Работы по воссозданию Янтарной комнаты начались в 1981 году. Для этих целей была образована «Царскосельская янтарная мастерская», в которую вошли искусствоведы, химики, криминалисты, историки, реставраторы. На разработку проекта проведения работ, научной концепции, воссоздание рецептов, технологий обработки янтаря ушло несколько лет. Затем работы прекратились из-за отсутствия средств, и, соответственно, возникли проблемы с поставками сырья. Однако всё меняется, произошли позитивные перемены и в 2003 году, к 300-летию Санкт-Петербурга, Янтарная комната была восстановлена в полном объёме. Не обошлось без денежных поступлений с немецкой стороны.

Возвращаясь в те времена, София Викторовна рассказала мне, что в Екатерининский дворец она пришла в 1972 году. За плечами были Ленинградский строительно-архитектурный техникум, Мухинское училище, ныне – Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия им. А.Л. Штиглица, работа в сфере современного проектирования. Молодая, жизнерадостная, полная сил, она сразу получила объект – Малиновую столбовую, что находится на оси золотой анфилады. Затем – в зелёной столбовой (небольшая гостиная, декорированная прозрачными стеклянными пилястрами – «столбами», отсюда и название), 3-й антикамере.

София Викторовна работала под руководством Александра Александровича Кедринского (8 мая 1917 – 22 сентября 2003). С именем этого замечательного архитектора-реставратора связано научное руководство реставрационными работами на многочисленных объектах Санкт-Петербурга, Петергофа, Пушкина, Павловска, Гатчины, почти полностью уничтоженных фашистами в годы Великой Отечественной войны. Его творчество широко известно и отмечено многими званиями, наградами и премиями. Он стал первым Почётным гражданином города Пушкина, был избран академиком Академии архитектурного наследия.

Закончив работу в 3-й антикамере, София Викторовна получила вердикт Кедринского: «А далее – бери Янтарную». «К тому времени, – говорит моя собеседница, – пришёл опыт в работе со сложнейшим стилем барокко. И мастера, работавшие рядом, подучили. Я не стеснялась обращаться к ним за помощью».

А.А. Кедринский считал, что возрождать Янтарную комнату следует с максимальной достоверностью. Это новое направление в реставрации получило название «воссоздание».

Однако, по словам Трифионовой, руководитель утверждал, что в янтаре комнату воссоздать невозможно. По этому поводу появились публикации, общественность с доводами согласилась.

София Викторовна продолжает:

- Я спрашивала Кедринского, а чем стены заполнять будем?
- Холстом затынем.
- Янтарную??
- Тогда штофом.
- Штофом?
- Апельсинового цвета!

В Янтарной комнате декор барочный, сложный, с резьбой. К счастью, восстанавливать Большой тронный зал ещё не начинали, анфилада была нужнее для музейной работы и, конечно, Янтарная комната.

«Приходила в Большой тронный и рисовала, рисовала, рисовала... Рокайли, пугги..., – говорит София Викторовна. – Этим жила, этим дышала. Кедринский указывал на ошибки, а потом решил, что дальше сама соображу.

Вскоре я стала его заместителем. Александр Александрович часто отсутствовал, ему приходилось много бывать на других объектах. Сотрудники обращались ко мне. Каждый занимался прорисовкой своего кусочка барочного интерьера Янтарной комнаты. А затем кусочки надлежало объединить, приходилось вносить правки, делать прорисовки. В итоге – всё прорисовала сама.

В периодической печати стали появляться статьи о работах по восстановлению Янтарной комнаты, в том числе известного публициста Юрия Алянского. К нашему делу в обществе появился интерес. Следует отметить, что жители г. Пушкина – большие патриоты родных мест. Они с трепетом, если это было возможно, заглядывали в окна дворца: как идёт возрождение красоты... А в это время шли иные процессы.

Архитектор Генрих Соломонович Хозацкий запросил разрешения воспользоваться нашими разработками, чтобы самому выполнить в неведомом мне масштабе фрагмент Янтарной комнаты по заказу калининградского Музея янтаря. В этом направлении предпринял ряд шагов, в том числе под копирочку перевёл все наши наработки. Решающим действием была его поездка в Москву. Материалы, которые Хозацкий представил в Кремле, смотрел Алексей Николаевич Косыгин. Смотрел, смотрел и вынес решение – всё должно идти в Пушкин!

Кстати, до этих событий объявлялись рижские мастера по янтарю... Одним словом, многие в то время тянули одеяло на себя.

Что касается янтаря, то на его добыче brave парни вершили свои дела. Нам же для работ он был нужен как воздух. С определённого времени на таможене возросло количество изъятого контрабандного янтаря. Однако он не возвращался в Прибалтику, а стал поступать в „Царскосельскую янтарную мастерскую”. Я же говорила в своё время Кедринскому – янтарь есть!»

Обработкой янтаря мастера занимались вручную. Немцы, узнав о дедовских методах работы, прислали различные приспособления. В дальнейшем наши специалисты говорили, что даже не догадывались о существовании таких механизмов.

«Работа приносила мне большую радость и... удивительные открытия, – продолжает рассказ София Викторовна. – Барокко – это символика, которая раскрывается не сразу, а по мере погружения в него. К примеру, четыре бушты¹ на пилястрах Янтарной комнаты символизируют континенты Земли, „мохнатые орнаменты” – мантии створок раковин, здесь же рождение Венеры...

Символичность флоры и мифологической фауны, нашедшей своё отражение в Янтарной комнате – тоже вне сомнения: гранат – изобилие, плодородие, брак, жасмин – чистота, верность и любовь... Здесь же птица феникс, сжигающая себя, а потом возрождающаяся через любовь. Вот и восьмое чудо света – Янтарная комната – без нашей любви не возродилась бы.

Неразрешённой загадкой для меня остались путти (маленькие обнажённые мальчики в ренессансном и классическом искусстве, восходящие к античным эротам или купидонам), изображённые с крыльшками не птиц, а стрекоз. Почему именно так, мне неизвестно.

Неимоверные сложности, как и во всём, преодолели при полной прорисовке паркета. А это – сто квадратных метров!

Однажды говорю моей помощнице Наденьке Лобанцевой: „Гордиться будем в своё время, что Янтарную комнату восстанав-



Почтовая марка, вышедшая по случаю воссоздания Янтарной комнаты

¹ Бушта – это женская головка, завершающая зеркальные пилястры.
Прим. ред.

ливали”. Она в ответ: „Но ведь я только линейку держала...”. Однако чувствовалось, что Наденьке мои слова по душе пришлись.

Ошибки в работе, конечно, допускали. Много переделывали. Всё ныне вспоминается.

Как-то мой знакомый то ли в шутку, то ли всерьёз, спросил: „С янтарём работала и дома, видимо, этот минерал имеется?” С гордостью ответила: да, имеется – глаза моей любимой кошки! А ещё моя знакомая удивлялась: „Такие работы провела, а дача – халупа халупой!”».

София Викторовна в задумчивости смотрит на свои руки, в комнате повисает затянувшаяся пауза. Я извлекаю из портфеля небольшой, но изящно исполненный альбом: Царское Село. Янтарная комната: восьмое чудо света. – СПб.: «Альфа-Колор», 2004. Обращаюсь к Мастеру с просьбой об автографе. На внутренней стороне верхней обложки сегодня имеются беглые строки:

А.А. Тетерину от Трифоновой (Никифоровой) Софии, одного из воссоздателей Янтарной комнаты.

Благодарю за проявленный интерес к ней.

Трифонова. 18.11.12 г. СПб. Гавань.



Возвращаясь домой, я с благодарностью вспоминал удивительную встречу, и повторял слова Народного художника СССР, Героя Социалистического Труда, лауреата Ленинской премии Михаила Константиновича Аникушина, сказанные в адрес моей героини: «Этими руками красота делается».

Ленинградская область, г. Тосно